

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Михайловский И.Ю. Email: Mikhailovsky1789@scientifictext.ru

Михайловский Игорь Юрьевич - кандидат исторических наук, доцент, директор, ООО «Промтехнжиниринг», г. Волжский, Волгоградская область

Аннотация: в статье рассматривается ход аграрных реформ на материалах Волгоградской области на начальном этапе их проведения и анализируется их влияние на политические настроения и электоральный выбор сельских жителей. Отмечается специфика проведения аграрных преобразований в регионе. На фактическом материале показываются возникавшие проблемы и противоречия. Опираясь на концепцию капитализации российской деревни, автор попытался доказать приоритетность воздействия на политические предпочтения сельских жителей в начале 1990-х годов сложившейся на селе социальной структуры и социально-экономических факторов, предопределивших их больший консерватизм в сравнении с горожанами.

Ключевые слова: аграрные реформы, деревня, крестьянство, политические настроения, политическое сознание, электоральный выбор.

AGRICULTURAL TRANSFORMATION IN THE EARLY 1990-IES AND SOCIO-POLITICAL MOODS IN RUSSIAN VILLAGE (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

Mikhailovsky I.Yu. Email: Mikhailovsky1789@scientifictext.ru

Mikhailovsky Igor Yurevich - candidate of historical sciences, docent, Director, LLC "PROMTEHNZHINIRING, VOLZHSKY, VOLGOGRAD REGION

Abstract: the article discusses the progress of agrarian reform on materials of Volgograd region at the initial stage of their spending and examines their impact on political attitudes and electoral choice in rural areas. Notes the specifics of carrying out agrarian reforms in the region. Factual shows encountered problems and contradictions. Based on the concept of capitalization of Russian villages, the author attempted to prove the priority of impact on the political preferences of villagers in the early 1990-ies established the village social structure and socio-economic factors behind their greater conservatism in comparison with citizens.

Keywords: agrarian reform, village, peasants, political attitudes, political consciousness, electoral choice.

УДК 33

В конце XX в. российская деревня в который раз в отечественной истории стала объектом радикальных преобразований, кардинально менявших ставший привычным для подавляющего большинства сельского населения его образ жизни. Как на начальном этапе их проведения был воспринят деревней либеральный проект ее модернизации? Как повлиял на эволюцию социально-политических настроений селян? Какие факторы здесь были определяющими? Ответить на данные вопросы, основываясь на материалах по Волгоградской области, являвшейся и остающейся одним из значимых сельхозпроизводящих регионов России, мы попытаемся в предлагаемой статье.

Актуальность темы обусловлена неугасающей дискуссией о причинах неудач либеральной модернизации России в 1990-е гг.

Хронологически исследование охватывает период с 1990 по 1993 гг., фактически переходный между советским и постсоветским этапами российской истории.

Очевидная неспособность даже реформируемого колхозно-совхозного строя решить хроническую для советского общества продовольственную проблему стала все отчетливее осознаваться и артикулироваться на региональном уровне уже на рубеже 1980 – 1990-х гг. Представляется, что признание данного обстоятельства советскими и хозяйственными руководителями регионального и районного уровня в Волгоградской области, более тесно связанными с повседневными вопросами сельскохозяйственного производства, было обусловлено не столько пресловутой партийной дисциплиной, требовавшей безоговорочного подчинения решениям мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, скорректировавшего аграрную политику, сколько имевшимися в их распоряжении данными о реальной ситуации в сельском хозяйстве. Данному обстоятельству также способствовали - объективно возросшая на рубеже 1980-1990-х гг. самостоятельность региональных властей в условиях курса на демократизацию и даже некоторую политическую децентрализацию под лозунгом передачи власти в руки Советов народных депутатов, существенное ослабление диктата Центра, что предоставляло

областному руководству определенную свободу действий в реализации аграрных преобразований. Неутешительными были и итоги выполнения Продовольственной программы в области, как известно, рассчитанной до 1990 г. Как следовало из материалов Волгоградского межотраслевого центра научно-технической информации и пропаганды плановой комиссии областного Совета народных депутатов к 1990 г. «по большинству видов продовольствия она (Продовольственная программа – И.М.) не была выполнена, а по отдельным видам продовольствия произошло снижение против уровня 1985 г. (овощи, картофель), 1987 г. (сахар, рыбопродукты)» [7, л. 46.]. Даже там, где имелись определенные достижения, – производство мяса и мясопродуктов, не все было однозначно: с одной стороны, по-прежнему не удовлетворялся растущий спрос населения, который значительно опережал предложение, с другой, некоторое увеличение производства мяса было достигнуто в области в конце 1980-х гг. за счет сокращения продажи зерна государству, недопоставки в союзно-республиканский фонд. Кроме того, в 1987 - 1989 гг. происходила активная реализация скота, накопленного в прошлом, «мяса на ногах», и, соответственно, сокращение ресурсов на будущее [7, л. 52 - 57, 78 - 81].

Наращивая фондовооруженность, колхозы и совхозы Волгоградской области недостаточно заботились о фондоотдаче. За XII пятилетку основные фонды сельскохозяйственных предприятий региона в сравнении с XI увеличились на 788,8 млн руб., или на 28%, а валовая продукция - лишь на 145 млн руб., или на 6,8% [6, л. 63]. При росте фондообеспеченности колхозов и совхозов, составивших в 1986 – 1990 гг. 125,4%, к 1981–1986 гг. фондоотдача снизилась до 94,4%, соответственно [8, л. 151]. Узким местом продолжала оставаться мелиорация: если в 1983 г. с имевшихся площадей орошаемых земель в 183,6 тыс. га было произведено продукции на сумму в 148,9 млн руб., или с 1 га на 800 руб., то в 1988 г. с 296,3 тыс. га на 163,7 млн руб, или с 1 га 550 руб. Прибавка орошаемых земель в 112,7 тыс. га дала прибавку продукции всего на 14,8 млн руб., или на 1 га 130 руб. [7, л. 63].

В 1989 г. дополнительные затраты на мелиорацию в области составили 1,5 млрд руб., а прибавка продукции лишь 1,5 млн руб. [8, л. 43]. « За 1983–1989 гг. продажа зерна государству сократилась на 1 млн. тонн; в 1989 г. госзаказ по зерну был выполнен на 70%, по овощам – на 66%, по бахчевым и фруктам – на 50%; по молоку не выполнен вообще, план поставок местного снабжения продовольственных товаров – на 89%» [9, л. 40-41]. Не случайно ещё в июне 1989 г. первый заместитель председателя Волгоградского облисполкома В.Н. Амелин, выступая на сессии областного Совета, должен был констатировать, что «многoletняя практика показала, что решить продовольственную проблему только за счет общественного сектора – это не реальное дело на данном этапе...» [9, л. 83].

Все это было весьма серьезным аргументом в пользу поддержки областными властями намечавшихся в стране аграрных преобразований. Дополнительными факторами, тому способствовавшими, были: фактически революционная смена партийного руководства в Волгоградской области в феврале 1990 г. и общее ослабление позиции КПСС в государстве; итоги выборов народных депутатов РСФСР и народных депутатов местных Советов 4 марта 1990 г., обновивших советское руководство области, к которому переходила основная часть властных полномочий, поколебавших монополию партийно-государственной номенклатуры, и, пожалуй, главное, продолжавшая ухудшаться продовольственная ситуация в Волгоградской области, как и в стране в целом. Показательно, что вновь избранный председатель облисполкома И.П. Шабунин на II сессии Волгоградского областного Совета в июне 1990 г. признавал, что произошло «ухудшение продовольственного снабжения населения» [10, л. 203], а председатель областного Совета В.А. Махарадзе на III сессии в июле 1990 г. констатировал, что «продовольственное положение стабилизировать не удалось». За шесть месяцев 1990 г. производство продукции животноводства снизилось даже в сравнении с 1989 г.: мяса – на 10,6 тыс. т. (6,3%), молока – на 20 тыс. т. (5,4%), яиц – на 15 млн шт. (5,1%). В итоге уже в первом квартале 1990 г. не удалось «отоварить» талоны населению на сливочное масло и колбасу, что послужило основанием для предложения о снижении норм выдачи масла с 500 до 300 г., колбасы и колбасных изделий – с 1 кг до 500 г в месяц на человека на летний период. В такой ситуации вполне закономерным был риторический вопрос В.А. Махарадзе, прозвучавший на сессии Облсовета: «В состоянии ли вообще наше сельское хозяйство удовлетворить население продуктами питания?» [11, л. 26,28-29].

Некоторый консенсус в обновленном советском руководстве Волгоградской области установился и в отношении понимания причин усиливавшегося продовольственного кризиса. Среди последних, наряду с традиционно указывавшимися прежде (недостаточный уровень материально-технической оснащенности и снабжения сельскохозяйственного производства, диспаритет цен на продукцию промышленного и сельского хозяйства, невысокий уровень исполнительской дисциплины и другие), все чаще называлось отсутствие «чувства хозяина» у тружеников села. То есть их отчужденность от земли, равнодушие, незаинтересованность в конечном результате [7, л. 62; 12, л. 72; 10, л. 227]. Все более крепло понимание того, что прежними политико-административными методами добиться перелома в АПК не удастся. «Никого нельзя заставить увеличить производство тех или иных видов сельскохозяйственной продукции», - констатировал в ноябре 1990 г. И.П. Шабунин [13, л. 170]. Очевидно, все это создавало определенные позитивные предпосылки для реализации в регионе намечавшихся рыночных

преобразований в АПК. Когда в феврале–марте 1990 г. на уровне союзного законодательства [13] был частично решен вопрос о начале земельной реформы как составной части аграрной, волгоградские власти достаточно активно приступили к её реализации. Важной вехой в становлении собственного подхода к реформе стала III сессия Волгоградского областного Совета народных депутатов, которая утвердила 26 июля 1990 г. решение «О мерах и механизме реализации Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле и создании крестьянских хозяйств», положившего начало аграрным преобразованиям в области.

Предполагалось, что до 1 ноября 1990 г. районные Советы народных депутатов на местах с привлечением специалистов произведут отбор в натуре 1 млн га земельных угодий у колхозов и совхозов, до 10% общей площади в каждом районе с последующим увеличением ее размеров для организации крестьянских хозяйств [6, с. 78]. Порядок выделения земельных участков для создания последних был нацелен на то, чтобы, с одной стороны, сохранить административный контроль за происходящим, с другой, обеспечить переход земли в руки наиболее способных работников сельского хозяйства. Планировалось «избрать на конкурсной основе лучших, наиболее достойных претендентов и им выделить участки оптимальных размеров – не по 50 – 60, а по 300 – 400 га пашни» [13, л. 157]. Осознавался и тот факт, что «не во всех хозяйствах есть желающие работать на земле, изъятой из госзапаса...» [13, л. 43]. Следующий важный шаг в направлении реформирования областного АПК региональные власти сделали на IV сессии областного Совета народных депутатов в ноябре 1990 г., где была обсуждена и одобрена общая концепция перехода Волгоградской области к регулируемой рыночной экономике и общие черты управления хозяйством [13, л. 131]. В соответствующем ее седьмом разделе, посвященном аграрному сектору, в качестве главных задач переходного периода ставились: «... внедрение рыночных отношений во всех звеньях АПК, стабилизация натуральных объемов реализации дотируемых продовольственных товаров и продажа дополнительных объемов продукции по свободным рыночным ценам, проведение земельной реформы, разгосударствление основных фондов хозяйств и предприятий АПК, передача полномочий по регулированию аграрных отношений местным Советам, разработка и осуществление целевых программ развития производственной и социальной инфраструктуры села» [13, л. 135]. В соответствии с законодательством вводилась плата за пользование землей в форме земельной ренты или земельного налога. В ходе инвентаризации земельного фонда области полагалось определить предварительную стоимость земли и ввести земельный налог. Плата за землю должна была взиматься в распоряжение областного Совета, и полученные платежи не подлежали изъятию в бюджет, а должны были использоваться для фиксированных выплат хозяйствам, работающим в худших природно-климатических условиях [14, л. 72; 15, л. 15]. В рамках реализации принятой концепции хозяйствам области полагалось предоставить финансовые и налоговые льготы. В колхозах и совхозах области должна была начаться условная приватизация основных производственных фондов, оформление пая, акций с учетом местных условий. Труженики сельского хозяйства, получавшие право свободного выхода из колхоза или совхоза с переходом в их владение земельного надела и доли накопленного имущества в натуральной форме или в виде приносящих дивиденды ценных бумаг, могли объединяться в различные кооперативы.

В целом намечавшиеся в аграрном секторе Волгоградской области преобразования носили умеренный характер и не выходили за рамки концепции аграрных реформ, зафиксированной в ноябре 1990 г. российскими законами «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О земельной реформе». Реализуемые в конце 1990-1991 гг. в регионе они затрагивали два взаимосвязанных аспекта – земельная реформа и создание крестьянских (фермерских) хозяйств. В отношении земельной реформы, прежде всего, осуществлялись меры организационно-правового и методически - изыскательного характера. К ноябрю 1990 г. были учреждены областной Комитет по земельной реформе и земельным ресурсам и районные комиссии по отбору 10% площадей земельных угодий у колхозов и совхозов. К январю 1991 г. завершилась инвентаризация земель во всех районах области, а волгоградский филиал НИИ «Южгипрозем» начал работу по составлению схем землеустройства административных районов, которую планировали завершить в 1992 г. [16, л. 150]. В районах решались вопросы перераспределения всех категорий земель, устанавливался специальный земельный фонд для наделения земель крестьянских (фермерских) хозяйств.

Прорабатывался вопрос по установлению предельных норм земельных участков, предоставляемых для организации крестьянского хозяйства, а по районам были подготовлены расчеты по определению средней земельной доли в расчете на одного работающего [17, л. 163]. Выполняя решение III сессии областного Совета, к марту 1991 г. был произведен отбор 501 тыс. га земли. Практически завершилось реформирование специального земельного фонда в Дубовском, Камышинском, Киквидзенском и ряде других районов области [14, л. 72]. Не везде этот процесс протекал бесконфликтно и беспрепятственно. Например, сессия Суровикинского районного Совета 30 октября 1990 г. приняла решение не выделять земли, предназначенные для отбора у колхозов и совхозов [17, л. 163], а в Еланском, Урюпинском, Чернышковском районах данная работа всячески затягивалась [17, л. 163]. В Киквидзенском,

Фроловском районах депутаты местных Советов, руководствуясь мнением, что «... всю землю механизаторы разберут, а мы к ним в батраки пойдем», приняли решение о выделении земельных участков фермерам не более 25 га. В 22 районах области были созданы депутатские комиссии, которые работали в тесном взаимодействии с районными комитетами по земельной реформе. Каждый будущий фермер проходил через эти комиссии, где его заслушивали, делали отбор, и только после этого давалась рекомендация о выделении земельных участков [6]. Так стремились не допустить получения земли лицами, не имеющими опыта работы в сельском хозяйстве, соответствующих навыков, знаний и умений. Размер крестьянских хозяйств пока не ограничивался, он определялся на основе местных условий и в основном зависел от количества трудоспособных и специализации производства. Но уже в начале 1991 г. областным Советом были утверждены предельные размеры крестьянских (фермерских) хозяйств. В данном вопросе столкнулись два разных подхода: комитета по земельной реформе, предлагавшего предельные размеры по 14 производственным направлениям крестьянских хозяйств из расчета на одного работающего, что давало возможность идти по пути создания крупных по площади хозяйств, и аграрной комиссии облсовета, когда предельный размер крестьянских хозяйств устанавливался независимо от количества работающих в них, что могло провоцировать их малоземелье. Победила последняя точка зрения, хотя «в течение 1991 г. в области по-прежнему шел процесс формирования достаточно крупных по площади хозяйств, с передачей им земли не в собственность, а в пожизненное наследуемое владение» [6, с. 7-8]. И если в 1990 г. посевную проводили около 250 фермеров, то на 1 апреля 1991 г. в области было уже зарегистрировано 738 крестьянских хозяйств, которым было передано 73,4 тыс. га земельных площадей. В среднем на одно фермерское хозяйство приходилось более 100 га сельскохозяйственных угодий, хотя размеры земельных участков весьма заметно различались по районам: от 10 до 50 га – в Городищенском, Даниловском, Дубовском, Калачевском, Урюпинском районах, до 250 га – в Котовском, Михайловском, Нехаевском, Новоаннинском, Палассовском. Выделяемая площадь земельных угодий зависела от специализации хозяйств. Если для выращивания подсолнечника, горчицы, зерновых и крупяных культур рекомендовалось выделять 330-350 га, то для овцеводства – 300 га, содержания крупного рогатого скота мясного направления – 180 га, а выращивания бахчевых – до 30 га [18, л. 14-23].

Вставшие на путь создания крестьянских хозяйств селяне встречались с целым комплексом проблем. Среди наиболее значимых – сами фермеры, согласно данным социологического опроса, проведенного среди участников областного съезда АККОР 8 января 1991 г. [18, л. 21], называли нерешенность материально-технического снабжения (67%), отсутствие необходимой техники, инвентаря (65%), законов, обеспечивающих правовую защиту фермеров (55%), противодействие руководства хозяйств (45%), неясность в налогообложении (40%), в организации сбыта и продажи продукции (33%), недоброжелательное отношение со стороны правоохранительных органов (13%), районных властей (12%), нехватке знаний (3%). По преимуществу как подозрительное, завистливое, недоброжелательное оценивали фермеры отношение со стороны рядовых работников хозяйств [18, л. 14]. Тем не менее, настрой в этот момент у глав крестьянских хозяйств был оптимистичным: 78% среди них верили, что благодаря их труду можно будет разрешить «продовольственные беды в обществе и проблемы самого села» уже в ближайшие 5 лет, в то время как среди работников колхозов и совхозов области доля таковых составляла 41% [6, с. 78].

Свое отношение к либерально-демократическому проекту реформирования страны в целом и его аграрной составляющей, начавшей реализовываться, как было показано выше, в Волгоградской области в 1990-1991 г.г., жители села недвусмысленно продемонстрировали на выборах Президента РСФСР 12 июня 1991 г. За кандидатуру Б.Н. Ельцина, олицетворявшего либерально-демократическую перспективу России, в сельских районах области проголосовало лишь 34,9% от принявших участие в голосовании избирателей [19]. Но, если из их числа исключить проголосовавших в районных центрах, то уровень поддержки уменьшался до 30,7% [19] против 55,69% по региону в целом. В восьми из тридцати трех-Еланском, Киквидзенском, Нехаевском, Октябрьском, Подтелковском, Руднянском, Старополтавском, Чернышковском районах относительное большинство получил Н.И. Рыжков, поддерживавшийся Коммунистической партией РСФСР (КП РСФСР). Национал-патриотическая популистская риторика В.В. Жириновского, принеся ему третье место, в Еланском, Октябрьском, Чернышковском районах позволила поучить второе, обогнать Б.Н. Ельцина, а в Камышинском – Н.И. Рыжкова. В городах надежда на либерально-демократические преобразования была значительно выше – колебалась от 50,1(8)% в Калаче-на-Дону и Николаевске до 70,7(8)% в Волгограде и Волжском. Т.е. еще до полномасштабного проявления всех негативных сторон начавшейся аграрной реформы подавляющее большинство селян скептически отнеслись к ее возможностям и перспективам. Объяснить данный факт можно, сославшись на «менталитет крестьянства», который «не воспринимает обоснования политического курса, построенные только на критике предшествующей системы и не дополненные реально ощутимыми доказательствами преимуществ новых общественных отношений. Это еще более отдаляет крестьянство от восприятия идей и ценностей демократии и дискредитирует в их глазах носителей данной идеологии». [5]. Но в этом случае, во-первых, трудно понять, почему в отдельных сельских районах, селах, станицах,

хуторах степень доверия к либерально-демократическим лозунгам в начале 1990-х г.г. была значительно выше. Например, в Среднеахтубинском районе по сельским избирательным участкам, исключив г. Краснослободск и р.п. Средняя Ахтуба, уровень поддержки Б.Н. Ельцина составил 53% [19, д. 28, л. 2-55], а в хуторах Соколинский, Яменский, станице Аржановской Алексеевского района - 32,7%, 59,5%, 38,8 % соответственно, против 28,9% в среднем [19, д. 1, л. 7,17,20]. Подобные примеры можно найти в каждом из районов. Во-вторых, почему в политическом прагматизме отказано горожанам, большинство из которых в советском обществе второй половины 1980-х г.г. были таковыми только в первом, втором поколении. В-третьих, чем объяснить по сути пассивное сопротивление работников колхозов и совхозов внедрению коллективного и бригадного, затем арендного подряда в 1985-89 г.г., что неоднократно отмечалось партийно-советскими и хозяйственными руководителями области, районов, сельскохозяйственных предприятий. К тому же к началу 1990-х г.г. крестьянства по крайней мере, как «мелких производителей, которые используя простой инвентарь и труд членов своей семьи работают прямо или косвенно на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнения обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти» [4, с. 11] не существовало.

Электоральный выбор сельских тружеников становится более понятен, если взглянуть на него с точки зрения концепции «капитализации российской деревни [2]». Согласно данной теории в середине 1960-х-начале 1990-х г.г. социальная трансформация крестьянства в условиях социализма привела к формированию сельской «протобуржуазии» из числа управленцев (председателей колхозов, директоров совхозов), которые «постепенно сконцентрировали права владения и пользования средствами производства, от которых до полной собственности был буквально один шаг» [1, с. 40], классов менеджеров (бригадиры, бухгалтера, заведующие фермами, управляющие отделениями совхозов звеньевые и т.п.), интеллектуалов сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, ветврачи, инженеры-механики и др.), рабочей аристократии, высококвалифицированные работники колхозов, механизаторы [3, с. 96, 97, 98-99]. Конечно, все эти группы не были монолитно едины в своем отношении к реформам. Но можно предположить, что наряду с нарождающимся фермерством многие из них в силу своего социально-экономического статуса в тот момент могли иметь серьезные надежды на либерально-демократические преобразования. Очевидно, что малоквалифицированные рабочие и колхозники, большинство сельских тружеников даже в конце 1980-х, придерживались противоположных политических взглядов. Показательно, что и в конце X-й, и в конце XI-й пятилеток ручным трудом, физически тяжелым и непривлекательным, занималось 70% работников сельского хозяйства, в то время как в промышленности удельный вес ручного труда находился на уровне 30% [25, с. 136]. Как ни парадоксально, но уже внутрисистемные экономические преобразования второй половины 1980-х г.г. усугубляли ситуацию в данном вопросе. Например, выступая на пленуме Волгоградского обкома КПСС в апреле 1989 г. кандидат в члены обкома, доярка колхоза «40 лет Октября» В.И. Телина, отмечала, что в условиях хозрасчета использование мощной техники стало экономически невыгодным в животноводческом комплексе», идет повсеместный отказ от нее, переход на конную тягу, ручной труд» [27, л. 26].

Указ Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельных реформ в РСФСР» от 27 декабря 1991 г. и Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г., значительно радикализовали и ускорили темпы проведения и глубину аграрных преобразований в области. Как впоследствии замечал председатель областного Комитета по земельным ресурсам А.В. Воробьев, «...в 1990 году у нас был несколько иной подход к решению фермерской проблемы» [6, с. 177]. Ускорение темпов аграрных преобразований (реорганизацию колхозов и совхозов следовало осуществить в срок до 1 января 1993 г.), очевидно, не вызывало особого энтузиазма на селе как среди руководителей и специалистов, так и большинства рядовых тружеников. Появилось своего рода пассивное сопротивление. В итоге федеральная власть должна была уступить, несколько смягчив позицию, разрешив колхозам и совхозам сохранить прежнюю организационно-правовую форму. В процессе проведения собраний с повесткой определения форм владения землей и организационно-правовой формы ведения хозяйства «в подавляющем большинстве хозяйств была выбрана коллективная форма труда» [6, с. 35-36]. К августу 1992 г. 141 хозяйство решило преобразоваться в акционерное предприятие закрытого типа, 94 сохранили статус колхозов и совхозов, 97 стали производственными кооперативами, 8 - подсобными хозяйствами промышленных предприятий, 10 переданы в военное ведомство и только 20 перешли в ассоциацию крестьянских хозяйств и малых предприятий [20, л. 176]. В колхозах и совхозах земля осталась в коллективном владении и пользовании, но каждому работнику предоставлялось право получить надел и организовать свое крестьянское хозяйство.

Реализуя намеченный президентом и правительством РФ курс, региональные власти сталкивались с определенным непониманием и даже сопротивлением. «...Трудно было ожидать от процесса, связанного с изъятием чего-либо, перераспределением имущества, изменением социального статуса граждан ровного и гладкого протекания», - справедливо замечал в марте 1992 г. заместитель главы

администрации области П.А. Юняев [20, л. 187]. Рискнем предположить, что настроение работников колхозов и совхозов, описанное депутатом облсовета А.А. Губиным, было типичным. На общем собрании обанкротившегося колхоза «Россия» его участники без особого интереса восприняли необходимость реорганизации и «как за соломинку ухватились за выступление председателя сельсовета, что может к осени (1992 г. – И.М.) переизберут президента и изменится политика» [20, л. 179]. Как отмечалось в октябре 1992 г., «вся работа практически сводится к стремлению сохранить земли, которыми пользовались колхозы и совхозы, и поделить имущество и землю на паи» [20, л. 363]. Часто формальная смена организационно-правовых форм хозяйствования не порождала глубоких экономических преобразований.

Радикализация аграрной реформы, с одной стороны, способствовала раскрепощению хозяйственной инициативы рядового труженика, вроде бы повышая степень социальной справедливости. Но, с другой, по оценке специалистов областного Комитета по земельной реформе и землеустройству, усиливала тенденцию к «разбазариванию земли», когда из тысячи подавших заявление только 10% были способны вести крестьянское хозяйство. Закономерно, что областное руководство стремилось не допустить ситуации, когда земля могла попасть в руки людей, «знающих сельский труд только по СМИ, или оборотистым дельцам стремящимся нажиться на труде неискушенных махинациями селян» [20, л. 363], требуя «учитывать наличие опыта работы в сельском хозяйстве и сельскохозяйственной квалификации либо прохождение специальной аттестации лиц, претендующих на организацию крестьянского (фермерского) хозяйства» [21, л. 222]. Областные власти, включая большинство местных законодателей, постепенно меняли свое отношение к праву частной собственности на землю, её купле-продаже, видя в последнем средство перераспределения земли в пользу наиболее способных и умеющих на ней работать. Закономерно, что XII сессия областного Совета в октябре 1992 г. большинством голосов (80 «за», 45 «против», 18 «воздержалось») поддержала предложение главы администрации Волгоградской области об обращении к Верховному Совету РФ по принятию закона о частной собственности на землю [20, л. 197]. Ускорение аграрных преобразований в 1992–1993 гг. усиливало напряженность в отношениях руководства колхозов и совхозов, их трудовых коллективов, с одной стороны, и фермеров, с другой. Это происходило, несмотря на неоднократно высказывающуюся позицию областных властей о том, что «фермер не может прожить без колхоза и совхоза сегодня, и колхоз, совхоз не может прожить без фермера» [18, л. 14], и понимание фермеров, что без помощи своего потенциального соперника, колхоза и совхоза, где сосредоточена вся производственная и социальная инфраструктура, материально-техническое обеспечение, они не могут встать на ноги. «...Мы сумели за 2 года фермера противопоставить основному сельскому населению», с сожалением замечал в мае 1992 г. глава администрации области [22, л. 85].

Происходил быстрый рост числа фермерских хозяйств в области. Их число увеличилось с 2068 до 11,5 тысячи, существовавших, на 1 апреля 1994 г. По темпам это опережало среднероссийские показатели. Вместе с тем обозначились серьезные проблемы в фермерском движении.

Земельные - связанные с необоснованной задержкой распоряжений по представлению земель и выдаче документов на право собственности, снижением предельных норм земельных участков, выделением худших, значительно удаленных от населенных пунктов земельных наделов. Грозившее фермерам малоземелье и возможность быстрой утраты плодородия земель также являлись проблемами этого ряда.

Материально-технические - возникавшие из-за дороговизны и нехватки сельскохозяйственной техники, горюче-смазочных материалов, минеральных удобрений, усугублявшихся из-за усиления диспропорции цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности.

Финансово-экономические - порожденные кризисом финансово-бюджетной сферы России. Постоянный рост процентной ставки по кредитам, ужесточение налоговой политики, несвоевременный расчет за уже реализованную фермерами сельскохозяйственную продукцию, несоблюдение договорной дисциплины подрывали возможности расширенного воспроизводства. В 1992 г. выручка от реализации сельскохозяйственной продукции в области составила 338 млн руб., а затраты на производство – 771 млн руб. В итоге, по данным Облстатуправления [6, с. 79], в 1993 г. значительное количество фермеров предпочло направлять свободные оборотные средства не в сельское хозяйство или развитие социальной сферы, а на торгово-закупочную деятельность в городах.

Кадровые - обусловленные, прежде всего, причинами исторического характера в виду отсутствия нужного количества людей, способных в одиночку вести высокопродуктивное специализированное или многоотраслевое крестьянское хозяйство, поскольку фермер – это и механизатор, и шофер, и агроном, и зоотехник в одном лице. Неудивительно, что в этот период земля оказывалась в руках случайных людей: на сентябрь 1993 г. уже 160 фермерских хозяйств законно были лишены земли [6, с. 79].

Но даже на фоне выявлявшихся в ходе проведения реформ проблем и противоречий в пользу того, что во многом электоральные и в значительной степени политические настроения селян в начале 1990-х г.г. определялись начавшей складываться еще в советский период новой социальной структурой деревни,

свидетельствует то, что к моменту проведения Всероссийского референдума о доверии Президенту РФ в апреле 1993 г., отношение к либеральной модели преобразований либо мало изменилось или даже улучшилось. Так, за доверие Президенту РФ по исключительно сельским избирательным участкам (исключив районные центры и рабочие поселки) в Алексеевском районе проголосовало 33,5% от принявших участие в голосовании, а одобрявших социально-экономическую политику правительства было 31,9%, в то время как на выборах в 1991 г. кандидатуру Б.Н. Ельцина поддержало лишь 28,9%; в Быковском - 37%, 37,2% против 29,8%; Городищенском - 57,5%, 50,9% против 40,9%; Даниловском - 30,7%, 30,1% против 24,6%; Дубовском - 44,8%, 39,5% против 28,9%; Жирновском - 42,6%, 39,5% против 26%; Еланском - 23,7%, 23% против 11,9%; Иловлинском - 42,3%, 39,1% против 36,2%; Калачевском - 50,1%, 43,9% против 39,3%; Камышенском - 48,7%, 45,6% против 44,1%; Киквидзенском - 33%, 32,9% против 21,4%; Клетском - 45%, 41,5% против 32,8%; Котельниковском - 40,9%, 38,2% против 25,9%; Котовском - 42,7%, 42,4% против 39,2%; Ленинском - 48,9%, 45,1% против 41,7%; Михайловском - 41,3%, 38,9% против 34,6%; Нехаевском - 30,7%, 28,4% против 22,6%; Николаевском - 35,7%, 35,8% против 31%; Новоаннинском - 38,8%, 37,9% против 25,9%; Новониколаевском - 42,5%, 40% против 24,9%; Октябрьском - 30,8%, 29,4% против 21%; Ольховском - 34,2%, 31,1% против 33,9%; Палассовском - 33,2%, 32% против 24%; Подтелковском - 32,5%, 33% против 26,3%; Руднянском - 27,5%, 25,7% против 20,4%; Светлоярском - 44,5%, 40,5% против 45,1%; Серафимовичском - 50,3%, 47,6% против 37,6%; Среднеахтубинском - 48,5%, 44,7% против 53%; Старополтавском - 32,6%, 31,5% против 23,6%; Суровикинском - 37,9%, 36% против 24,6%; Урюпинском - 35,1%, 31,9% против 41%; Фроловском - 35,8%, 31,9% против 37,8%; Чернышковском - 31,7%, 30,4% против 14,1% соответственно [24]. Конечно, нараставшие в ходе проведения радикальных социально-экономических реформ трудности, противоречия и проблемы усиливали критическое отношение селян к осуществляемому курсу. Политическое противостояние исполнительной и законодательной властей во второй половине 1993 г., завершившееся силовой ликвидацией советской системы, содействовали их поддержанию. Зримой демонстрацией данного обстоятельства стали выборы депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации первого созыва и Всероссийский референдум по проекту Конституции РФ. Впервые участвовавшие в выборах политические партии и избирательные блоки выступили со своими программами и избирательными платформами. Учитывая, что «программы были практически недоступны рядовому избирателю [26, с. 40], особенно в сельской глубинке, важнейшим фактором, определявшим выбор, были сложившиеся к этому времени политические настроения, убеждения избирателей. Показательно, что в сельских районах области доминировали национал-популизм и ностальгия по недавнему советскому прошлому, обеспечившие преобладание по партийным спискам ЛДПР, Аграрной партии России (АПР) и КПРФ. Так, список ЛДПР получил поддержку более 20% избирателей практически во всех сельских районах области, АПР в 14, а КПРФ в 1, но во всех более 10%. В то же время как представлявшие различные направления либерализма политические силы с трудом преодолевали в сельских районах 5% барьер: список ДВР в 20 (только в Среднеахтубинском - 10,9%), «Яблока» в 6, ДПР в 1 (Иловлинском) [24]. Столь же критично были настроены селяне и по отношению к проекту Конституции РФ. Ни в одном из районов области он не получил поддержки большинства избирателей.

Таким образом, на начальном этапе реализации радикальных социально-экономических преобразований политические настроения в волгоградской деревне были далеко неоднозначными. С одной стороны, еще до превращения всей Волгоградской области в один из форпостов «красного пояса» России в 1990-е, в ней возник свой «внутренний» красный пояс», состоявший из сельских районов. В силу причин исторического и социально-экономического характера селяне оказались настроены гораздо более консервативно. Социально-экономические реалии волгоградского села начала 1990-х объективно препятствовали либерализации политических настроений подавляющего большинства его жителей. В то же время сложился и слой тех, хотя и составлявший меньшинство сельских жителей, кто относился к провозглашенным аграрным реформам позитивно и верил в их перспективность.

Список литературы / References

1. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930-х - 1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории, 2005. № 7. С. 23-43.
2. Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация российской деревни 1930 - 1980-х годах М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 130 с.
3. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930-1980-х гг. // Социс, 2011. № 11. С. 91-101.
4. «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. 431 с.

5. *Вилков А.А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Автореферат дис... докт. полит. наук. Саратов: изд-во СГУ, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/mentalitet-krestyanstva-i-rossiyskiy-politicheskiy-protsess#ixzz47I2jtCGxp/> (дата обращения: 13.04. 2016).
6. *Воробьев А.В.* Пути развития фермерства. Волгоград: Комитет по печати, 1995. 109 с.
7. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3584Б.
8. ГАВО Ф. 5714. Оп. 1. Д. 1547.
9. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3313.
10. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3472.
11. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3477.
12. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3316.
13. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3482.
14. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3483.
15. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3587.
16. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3811.
17. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 3819.
18. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 4005.
19. Подсчитано по: Протоколы районных и участковых избирательных комиссий городов и районов Волгоградского избирательного округа №25 по выборам Президента РСФСР 12 июня 1991 г. // ГАВО Ф. 2115. Оп. 14. Д. 1-46.
20. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 4032.
21. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 4037.
22. ГАВО Ф. 2115. Оп. 11. Д. 4143.
23. Подсчитано по: Протоколы районных и участковых избирательных комиссий всероссийского референдума, справки о голосовании по Волгоградскому округу № 34 // ГАВО Ф. 2115. Оп. 19. Д. 1-46.
24. Подсчитано по: Итоги голосования 12.12.1993 г. по выборам депутатов по общероссийскому федеральному округу по выборам ГД ФС РФ и всенародному голосованию по Конституции РФ // ГАВО Ф. 2183. Оп. 6. Д. 2 Л. 2-3.
25. *Долгов В.М.* Аграрная политика КПСС и ее социально-экономические результаты (1965-1985). На материалах областей Поволжья. Под ред. докт. ист. наук В.Б. Островского. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1988. 177 с.
26. *Зотова З.М.* Предвыборная программа - основной ресурс избирательной кампании. М.: РЦОИТ. 2001. 96 с.
27. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 138. Д. 1.